

Н. В. Кальченко, А. А. Мозгунов

ПРАВО НА СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ: ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА С ПОЗИЦИИ СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В рамках настоящей работы авторами предпринята попытка исследования этического аспекта права, природа которого наглядно отражает суть важнейшего конституционного положения, провозглашающего Человека, его права и свободы высшей ценностью. Исследуя вопрос эволюции права на свидетельский иммунитет, авторы акцентируют внимание на его характерных чертах, проходящих процесс закономерной трансформации, обусловленной сменой исторических типов государства и присущих ему политических режимов. Проблема гармонизации личных и общественных интересов представлена как носящая исторически преходящий характер, складывающийся под воздействием идеологических догм, проецируемых государством на сферу общественного сознания на определенном этапе своего развития.

Обращено внимание на объективные предпосылки конфликта личных и общественных интересов, обусловленные фактом легализации права на свидетельский иммунитет на законодательном уровне. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неприемлемости использования императивных суждений в качестве инструментария, используемого для общей этической оценки института свидетельского иммунитета.

Ключевые слова: права человека, свидетельский иммунитет, личные интересы, общественные интересы, нравственные ценности.

N. V. Kalchenko, A. A. Mozgunov

RIGHT TO PRIVILEGE OF WITNESS: ETHIC ASSESSMENT FROM THE POSITION OF CORRELATION BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS

In terms of this article the authors make an attempt to study the ethic aspect of law which nature demonstrates the essence of the important constitutional provision which proclaims man, his rights and freedoms as the highest value. The authors consider the issue of evolution of the right to privilege of witness pointing out its peculiar features which are subject to regular transformation stipulated by change of historical types of state and appropriate political regimes. The issue of harmonization of private and public interests is presented as historically temporary, formed under the influence of ideological dogmas projected by the state to the field of public conscience at a certain stage of its development.

The authors pay attention to objective premises of the conflict between private and public interests stipulated by the fact of legalization of the right to privilege of witness. The performed research makes it possible to come to a conclusion on unacceptable application of imperative assessments as tools for general ethic assessment of the institution of privilege of witness.

Keywords: human rights, privilege of witness, private interests, public interests, moral values.

Степень цивилизованности любого государства традиционно определяется через призму его взаимоотношений с личностью. С момента обретения суверенитета Россия ведущим принципом своей правовой политики избрала принцип гуманизма, возложив на себя ответственность по его имплементации в соответствующие сферы правового регулирования.

Безусловным «прорывом» в этом направлении многие правоведы считают фиксацию на конституционном уровне положений, предоставляющих возможность отказа от свидетельствования в отношении себя самого, супруга и близких родственников, круг которых определяется п. 4 ст. 5 УПК РФ. При этом высказывается убежденность в их влиянии на степень доверия человека к государству в целом и его правоохранительной системе в частности.

С позиции теории права свидетельский иммунитет — это особое правовое состояние, характеризующееся правомерным бездействием субъекта, способного, но не желающего исполнять свой общественный (моральный) долг в форме содействия раскрытию и расследованию преступления.

С позиции практической иммунитет — это результат морального выбора субъекта, легально пренебрегающего общественными интересами ради защиты интересов частного характера, причем зачастую не собственных, а третьего лица. Возможность не свидетельствовать против своего супруга и близких родственников как один из аспектов свидетельского иммунитета заслуживает, на наш взгляд, особого внимания.

Иммунитет как правовое явление опосредован субъективным правом (право отказа от дачи показаний), которое с позиции личностной социализации можно признать разновидностью прав человека, имеющих не природную, а социальную основу. Данное право — продукт эволюции представлений государства о критериях оценки степени значимости личных интересов в условиях их возможного конфликта (и даже конфронтации) с общественными интересами. Предпосылки конфронтации кроются в принципиальном расхождении целей, преследуемых государством, стремящимся к установлению истины в рамках уголовно-процессуальных отношений, и личности, прилагающей усилия к минимизации негативных последствий уголовного преследования, осуществляемого в отношении ее супруга (близкого родственника).

Между тем в литературе встречается подход, основанный на попытках «связать» понятия личного и общественного интересов, подчеркнув единство их природы: «Под общественными интересами следует понимать законные интересы граждан, связанные с обеспечением их безопасности и благополучия, стабильного и устойчивого развития общества» [1]. Данный подход представляется не совсем корректным, поскольку либерализация отношений в сфере правового регулирования частных интересов позволяет предположить, что спектр легальных интересов отдельного индивида может быть шире круга интересов, обладающих свойством общественной полезности.

Можно заметить, что проблема гармонизации личных и общественных интересов носит

исторически субъективный характер; ее правовая и нравственная оценка обусловлена содержанием идеологических догм, проецируемых государством на сферу общественного сознания на том или ином этапе своего развития.

Еще в 1715 г. составленное Петром I «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» установило запрет допуска к свидетельству родственников и служащих челобитчиков и ответчиков [2, с. 160, 161]. Позже в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [3] в целях сохранения нерушимости семейного союза было предусмотрено освобождение от свидетельства мужа и жены обвиняемого (подсудимого), его родственников по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родных братьев и сестер (ст. 94, 705). При согласии этих лиц давать показания они не призывались к присяге. Подобным образом государство стремилось минимизировать угрозу совершения клятвопреступления.

В первых советских законодательных актах, в частности, в Положении о полковых судах 1919 г. [4] и Положении о военных следователях 1919 г. [5], также содержались специальные правила, касающиеся допроса родственников обвиняемого в качестве свидетелей. Примечательно, что в Положении о полковых судах родственники не исключались из числа свидетелей, однако их допрос должен был осуществляться без отобрания подписки об ответственности за заведомо ложные показания (ст. 69); Положение о военных следователях разрешало этой категории лиц отказаться от свидетельства (ст. 66).

Все правовые институты СССР основывались на единой идеологической догме: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Таким образом, интересы государства и общества априори ставились выше интересов личности. На этом фоне абсолютно закономерно отсутствие в законодательстве Союза ССР института свидетельского иммунитета, равно как и наличие института уголовной ответственности за недонесение супругами и близкими родственниками о готовящихся или совершенных преступлениях. Никакие исключения из действия указанной императивной нормы не допускались в принципе. Более того, на волне борьбы с контрреволюцией советская репрессивная машина способствовала созданию опасного идеологического клише «член семьи врага

народа». УК РСФСР 1926 г., в частности, предусматривал ответственность в отношении совершеннолетних членов семьи военнослужащего, совершившего побег за границу, которые не знали о готовящейся измене, но совместно проживали с ним или находились на его иждивении к моменту совершения преступления (ст. 58-1в). Факт криминализации данного деяния — демонстрация откровенного игнорирования государством одного из важнейших принципов уголовного права — принципа виновной ответственности.

Можно констатировать, что государство прилагало немалые усилия к тому, чтобы в ситуации выбора между личными и общественными интересами человек не испытывал моральных терзаний. Выбор должен быть предreshен не только внешне (угрозой наказания), но и внутренне. На это была нацелена вся система советского патриотического воспитания; со школьных лет каждый советский человек знал о подвиге Павлика Морозова. Общественные институты воспитания основывались на одиозном постулате: «Нравственно все, что служит делу коммунизма».

Известно, что Н. К. Крупская во время так называемой партийной чистки призывала детей выявлять вражеские элементы, обманом ставших коммунистами в целях вредительства партии «изнутри». На всесоюзную доску почета заносились имена лучших пионеров-осведомителей; государство не усматривало ничего аморального в том, что дети вызывали друг друга на соревнование «кто больше донесет» [6].

Не удивительно, что в сознании нескольких поколений советских граждан укоренилось понимание того, что интересы общества имеют абсолютный приоритет над интересами отдельного человека. Ценность личных взаимоотношений нивелировалась, будучи подогнанной под действующие идеологические стандарты. Однако это обстоятельство не помешало В. В. Путину обратить внимание на Кодекс строителя коммунизма, провозглашавшего в качестве одной из моральных обязанностей советского человека «высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов». Назвав этот акт «жалкой копией с Библии» [7], Президент, как нам представляется, тем самым подтвердил

его нравственную состоятельность, которую не смогла умалить откровенно политизированная форма.

Советские ученые-процессуалисты в абсолютном большинстве отстаивали тезис о приоритетном значении интересов следствия и правосудия над интересами отдельной личности. Истина по уголовному делу была признана абсолютной ценностью, ее возможная конкуренция с ценностями иного порядка даже не рассматривалась. Известный исследователь Н. Н. Полянский в связи с этим справедливо отмечал: «Законы, освобождающие от свидетельских показаний супругов и близких родственников, исходят из представления об абсолютной святости брачных и семейных уз. Советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам» [8, с. 93].

Очевидно, что государство, присвоившее себе мессианскую роль и при этом искренне полагающее, что лучший тип человеческого общежития — это социум, в котором все моральные постулаты определены самим государством (при этом им придан статус непререкаемых и незыблемых), способно добиться высокого уровня правопорядка. Но можно ли считать, что цель при этом оправдывает средства, применяемые для ее достижения?

А. Ф. Кони в связи с этим писал: «Ради целей земного правосудия нельзя ослабить или нарушить священные узы, связывающие людей между собою. Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов, заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая в известных случаях более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина» [9, с. 52]. Очевидно, что в самом понятии «внутренняя правда жизни» доминирует эмоциональный компонент; при этом содержательно оно априори противопоставляется истине в ее объективном смысле.

И. Бентам, напротив, выступал непримиримым противником свидетельского иммунитета: «Жена может чувствовать отвращение свидетельствовать против своего мужа, мужу должно быть противно, если жена показывает против него, но что значит их отвращение перед необходимостью открыть виновника преступления? Это значило бы нарушать домашнее доверие. Чье? Тех, которые злоупотребляют им, чтобы нарушить публичное доверие... Не следует открывать убежище для преступников, надо разрушать всякое доверие между ними, если это возможно, даже в недрах их семейства... Этим они будут поставлены в необходимость соблюдать законы и жить как честные люди» [10, с. 264].

На сегодняшний день в среде правоведов доминирует представление о ценности института свидетельского иммунитета как одной из форм реализации конституционного положения о высшей ценности человека, его прав и свобод. Это означает, что опасность для общества, которую заключает в себе каждое из преступных деяний, не должна устраняться путем вторжения в сферу нравственных обязательств людей друг перед другом и, соответственно, их права выполнять эти обязательства, даже вопреки интересам государства и общества.

Между тем в российском праве можно встретить упоминание об «общественном интересе» как объекте правовой защиты более значимом, чем интересы отдельной личности. Примером может служить закон РФ «О средствах массовой информации» [11], где ст. 49 закона обязывает журналиста получать согласие на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов. Заметим, что в тексте закона отсутствует разъяснение понятия «общественный интерес». Результатом такого правового пробела является возможность каждого представителя СМИ давать ему свое толкование, причем, как показывает практика, зачастую чрезмерно широкое.

Очевидно, что результат толкования будет использован для обоснования вторжения в сферу личных интересов индивида; при этом степень глубины вторжения может быть весьма

существенной (в отличие от степени нравственности преследуемой при этом цели).

Применительно к вопросу иммунитета ситуация выглядит иначе, поскольку содержание общественного интереса предельно понятно: это возможность установления истины по уголовному делу и осуждения виновных в совершении преступления. Общественный интерес обретает форму реального воплощения принципов неотвратимости наказания и справедливости, взаимосвязь которых и нравственная составляющая очевидны.

Следует признать, что вопрос о развитости или, напротив, ущербности общества, воздвигшего собственные интересы на вершину системы нравственных ценностей, остается открытым. На наш взгляд, весьма серьезной ошибкой является предположение о возможности существования социума такого типа исключительно в условиях недемократического политического режима. Впрочем, некорректным можно считать и заключение о том, что родственные и супружеские чувства должны быть априори выше чувства гражданского долга.

Исследование этических аспектов свидетельского иммунитета с позиции соотношения личных и общественных интересов позволяет сделать вывод о неприемлемости использования императивных оценочных суждений. Особенности состояния института иммунитета на том или ином этапе его эволюции — это лишь констатация того, какие именно блага поставлены обществом и государством определенного типа на каждую из ступеней ценностной иерархии. Мораль как явление, отражающее уровень развития общественного сознания, не может отвечать требованиям абсолютной определенности. Не обладая самобытной аксиологической сущностью, она выступает инструментом поиска компромисса между ценностями разного порядка, среди которых — личные и общественные интересы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: стремление государства использовать этико-правовой инструментарий для регулирования отношений, затрагивающих область личных, эмоционально окрашенных связей между людьми, априори всегда будет сопряжено с объективно существующими трудностями, поскольку, по меткому выражению Ф. Ницше, «все, что делается из любви, совершается всегда по ту сторону

добра
и зла» [12].

Список библиографических ссылок

1. Околеснова О. А. Значение общественных интересов при осуществлении общественного контроля // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 4.
2. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М.: Проспект: ТК Велби, 2002.
3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. Доступ из инф.- правового портала «Гарант».
4. Положение о полковых судах: утв. декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. // Советская прокуратура в важнейших документах / сост.: В. Г. Лебединский, Д. И. Орлов. М.: Госюриздат, 1956.
5. Положение о военных следователях: утв. приказом Реввоенсовета Советской Республики № 1595 от 30 сентября 1919 г. // Сб. приказов Реввоенсовета Советской Республики. М., 1919.
6. Криворученко В. К., Цветлюк Л. С. Советское общество в воспитании молодежи. 1917—1941 гг. [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011 № 4. URL: http://www.zpu-gournal.ru/e-zpu/2011/4/Krivoruchenko~Tsvetliuk_Soviet_Society (дата обращения: 10.10.2015).
7. Пресс-конференция В. В. Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19859/> (дата обращения: 10.10.2015).
8. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946.
9. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А. Ф. Собр. соч. в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4.
10. Бентам И. О судебных доказательствах. Трактат. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876.
11. О средствах массовой информации) [Электронный ресурс]: закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015. Доступ из инф.- правового портала «Гарант».
12. Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

© Кальченко Н. В., Мозгунов А. А., 2015